

8P1(092)

Г42

РУССКІЕ ПРОШЛЕИ

ТОМЪ 3
И. С. ТУРГЕНЕВЪ

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

В. И. Гершензонъ

2607

3299

РУССКІЕ
ПРОШЛЕИ

ТОМЪ 3

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА

ИЗДАНИЕ М. и С. СЛАБАШНИКОВЫХЪ

1916

Q

~~891/092~~
1278

891/092
Г 42

ПИСАНІЯ
И. С. ТУРГЕНЕВА
НЕ ВКЛЮЧЕННЫЯ
ВЪ СОБРАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ

Цена 1р 25к

ПРОВЕРЕНО
1938

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПЕЧАТНИЦА
МОСКВА
+ 2607 ✓

1945

„Проверено 1938 г.“

1916

сколько оригинальностью ритма и блестящей смѣлостью пассажей; Виардó поетъ ее, какъ никто не пѣвалъ до нея; и драматическій дуэттъ Фидэсъ съ Иоанномъ, оканчивающійся, къ сожалѣнью, весьма—слабымъ аллегро... Вообще Мейерберъ не слишкомъ счастливъ въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ—этомъ пробномъ камнѣ всѣхъ композиторовъ. Послѣ этого дуэтта вы можете уйти изъ театра, если не желаете видѣть великолѣпной декораціи, представляющей дворецъ—и пожаръ этого дворца. Въ музыкальномъ отношеніи опера кончается этимъ дуэттомъ: тріо Фидэсъ, Иоанна и Берты незначительно; послѣдней, вакхической пѣсенкѣ Иоанна Лейденскаго—нельзя по-крайней-мѣрѣ отказать въ томъ, что Итальянцы называютъ *slancio*—въ блескѣ, въ увлеченіи.

Костюмы и декораціи великолѣпны, ослѣпительны; дирекція не жалѣла издержекъ. Вы вѣроятно уже слышали о катальщикахъ (*patineurs*) на колесахъ, которые, дѣйствительно, довольно-забавны. Что касается до актеровъ, то первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ Виардó, которая въ этой роли окончательно стала на одномъ ряду съ своей незабвенной сестрой; Рожé хорошъ, но не имѣетъ голоса Дюпрé, ни таланта Нуррú; г-жа Каstellанъ—такъ себѣ, живетъ; остальные пѣвцы хороши на своихъ мѣстахъ; оркестръ поддержалъ свою старинную славу... Хоры нѣсколько вялы. Вы, вѣроятно, уже слышали, что эту оперу съ большимъ успѣхомъ дали въ Лондонѣ; теперь собираются дать ее въ Берлинѣ и Вѣнѣ.

V.

[„Современникъ“, 1852 г., апрѣль.]

— Въ Москвѣ вышли на дняхъ „Записки Ружейнаго Охотника“ С. Т. А—ва, того самого автора, замѣтимъ кстати, которому мы уже обязаны прекрасной книгой объ уженѣ. Мы поздравляемъ русскую литературу и читателей нашихъ съ появленіемъ этихъ „Записокъ“. Подобныя книги появляются у насъ слишкомъ рѣдко. Кому еще не знакомо новое сочиненіе С. Т. А—ва, тотъ не можетъ себѣ представить, до какой степени оно занимательно, какой обаятельной свѣжестью вѣетъ отъ его страницъ. Да не подумаютъ читатели, что „Записки Ружейнаго Охотника“ имѣютъ цѣну для однихъ охотни-

ковъ: всякій, кто только любить природу во всемъ ея разнообразіи, во всей ея красотѣ и силѣ, всякій, кому дорого проявленіе жизни всеобщей, среди которой самъ человѣкъ стоитъ, какъ звѣно живое, высшее, но тѣсно связанное съ другими звѣньями,—не оторвется отъ сочиненія г. А—ва: оно станетъ его настольной книгой, онъ будетъ ее съ наслажденіемъ читать и перечитывать; естествоиспытатель придетъ отъ нея въ восторгъ... Мы предоставимъ себѣ удовольствіе, въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ „Современника“ подробно поговорить объ этомъ сочиненіи, написанномъ съ такой любовью и съ такимъ знаніемъ дѣла; и мы будемъ говорить о ней, находясь сами „на мѣстѣ“, въ деревнѣ, среди той природы, которой она служитъ такимъ вѣрнымъ и поэтическимъ отраженіемъ, предаваясь сами „ружейной охотѣ“; теперь мы ограничимся только просьбой къ читателямъ не смѣшивать этой капитальной книги, которая въ одно и тоже время обогащаетъ и ту спеціальную литературу, которой она принадлежитъ, и общую нашу словесность,—не смѣшивать ее съ ничтожными и вздорными сочиненіями объ охотѣ, появившимися въ послѣднее время.

А чтобы доказать читателямъ, что въ нашихъ похвалахъ книгъ г. А—ва нѣтъ ничего преувеличеннаго, предлагаемъ изъ нея нѣсколько выписокъ:

Вотъ описаніе лѣсной рѣки, отъ которой не отказался бы любой мастеръ. (Должно сказать, что г. А—въ дѣлитъ всю дичь на четыре главные отдѣла: на болотную, водяную, лѣсную и степную, и въ началѣ cadaго отдѣла начертываетъ общую картину мѣста жительства этой дичи.)

„Иногда рѣка на большое пространство протекаетъ дремучими „ненаселенными лѣсами и получаетъ особенный уединенный, дикій и „вмѣстѣ важный и торжественный образъ. Берега ея не измяты ни „чьимъ прикосновеніемъ: изрѣдка забредетъ на нихъ охотникъ, но „не оставитъ слѣдовъ своихъ на долго: сильная растительность, „происходящая отъ избытка влаги, сейчасъ подниметъ смятые травы „и цвѣты. Свободно и могуче обростають берега ея широколистной „и узкой осокой, айромъ, палочникомъ и крупными незабудками; а „по всѣмъ затишьямъ, необыкновенной величины темнозеленые, круг- „лые лопухи плавають уединенно на длинныхъ стебляхъ своихъ, „однообразно двигаясь теченіемъ рѣки. Водяная птица какъ будто „боится уединенія, и утки перестаютъ жить и водиться на рѣкахъ,

„когда онѣ слишкомъ далеко углубляются въ лѣсную глушь. Рыба и „земноводный звѣрь остаются ихъ хозяевами. Въ пустынномъ без- „молвіи и мракѣ катятся вольныя многоводныя струи и только вѣтви „наклонившихся или упавшихъ въ воду столѣтнихъ деревьевъ, проти- „вясъ теченію, производятъ неумолкаемый, но тихой и глухой ропоть. „Плеснется большая щука, переплыветъ рѣку порѣшина (порѣчина), „нырнетъ выхухоль—и только; но и этотъ слабый шумъ скоро по- „глощается общимъ безмолвіемъ. Смотрится только въ воду разно- „образное чернолѣсье: липа, осина, береза и дубъ, кладя то справа, „то слѣва, согласно стоянію солнца, косыя тѣни свои на поверхность „рѣки“.

Вотъ описаніе родника и „мельницы-колотовки“:

„Иногда на такихъ горныхъ родникахъ, падающихъ съ значитель- „ной высоты, ставятъ оренбургскіе поселяне нехитрыя мельницы- „колотовки, какъ ихъ называютъ, живописно прилѣпляя ихъ къ кру- „тому утесу, какъ ласточка прилѣпляетъ гнѣздо къ каменной стѣнѣ. „Весь небольшой потокъ захватывается жолобомъ или колодою, т. е. „выдолбленною половинкою толстаго дерева, которую плотно упи- „раютъ въ бокъ горы; изъ колоды струя падаетъ прямо на водяное „колесо, и дѣло въ шляпѣ: ни плотины, ни пруда, ни вешняка, ни „кауза... а колотовка постукиваетъ да мелетъ себѣ по маленьку, и „день и ночь. Нѣтъ мелева,—отодвигается колода въ сторону, и по- „токъ снова летитъ внизъ по крутизнѣ горы, мгновенно собирая въ „одинъ густой звукъ раздробленный шумъ своего паденья. Мельнич- „ная амбарушка громоздится иногда очень высоко на длинномъ не- „уклюжемъ срубѣ или кривыхъ неровныхъ стойкахъ. Все дрянно, „плохо, косо, чуть липитъ. Нѣтъ признака искусной, правильной руки „человѣка, ничто не разнорѣчитъ съ природой, а напротивъ—допол- „няетъ ее... Иногда такой ключъ бьетъ изъ середины горы, а всего „чаще изъ ея подошвы. Но есть родники совсѣмъ другаго рода, ко- „торые выбиваются изъ земли въ самыхъ низкихъ, болотистыхъ „мѣстахъ и образуютъ около себя ямки или бассейны съ водой, „большей или меньшей величины, смотря по мѣстоположенію: изъ „нихъ текутъ *ручьи*. Если бассейнъ глубокъ, то кипѣніе видно только „на днѣ; вода выкидывается изъ его отверстій, вынося съ собой пе- „сокъ и мелкія земляныя частицы; прыгая и кружась, но далеко не „достигая поверхности, они опускаются и устилаютъ дно родника „ровно и гладко. Но если бассейнъ мелокъ, относительно силы ключа,

„то вся вода, съ пескомъ, землей и даже мелкими камушками, во-
„рочается со дна и до верху, кипить и клокочетъ, какъ котель на
„огнѣ. И горные ключи и изменные болотные родники бѣгутъ ру-
„чейками, иные текутъ скрытно, потаенно, углубясь въ землю, спря-
„тавшись въ травѣ и кустахъ; слышишь, бывало, журчанье, а воды
„не находишь: подойдешь вплоть, раздвинешь руками чашу кустар-
„ника или навѣсъ густой травы—пахнетъ въ разгорѣвшееся лицо
„свѣжею сыростью и наконецъ увидишь, бѣгущую во мракѣ и про-
„хладѣ, струю чистой и холодной воды. Какая находка въ жаркѣй
„лѣтнѣй день для усталаго охотника! Иногда ручей бѣжитъ по от-
„крытому мѣсту, по песку и мелкой галькѣ, извиваясь по ровному
„лугу или долочку. Онъ уже не такъ чистъ и прозраченъ—вѣтеръ
„наноситъ пыль и всякѣй соръ на его поверхность: не такъ и холо-
„день—солнечные лучи прогрѣваютъ сквозь его мелкую воду. Но
„случается, что такой ручей *понижаетъ*, то есть уходитъ въ землю,
„и пробѣжавъ полверсты или версту, иногда гораздо болѣе, по-
„является снова на поверхность, и струя его, процѣженная и охла-
„жденная землей, катится опять, хотя и не надолго, чистою и хо-
„лодною“.

Вотъ отрывокъ „изъ внутренней“ жизни лѣса:

„На вѣтвяхъ деревь, въ чашѣ зеленыхъ листьевъ и вообще въ
„лѣсу, живутъ пестрыя, красивыя, разноголосыя, безконечно разно-
„образныя породы птицъ, такуютъ глухіе и простые тетерева, пищать
„рябчики, хрипятъ на тягахъ валдшнепы, воркуютъ, каждая по сво-
„ему, всѣ породы дикихъ голубей, взвизгиваютъ и чокаютъ дрозды,
„заунывно, мелодически перекликаются иволги, стонутъ рябья ку-
„кушки, постукиваютъ, долбя деревья, разноперые дятлы, трубятъ
„желны, трещать сойки; свиристели, лѣсные жаворонки, дубоноски и
„все многочисленное, крылатое, мелкое пѣвчее племя наполняетъ
„воздухъ разными голосами и оживляетъ тишину лѣсовъ: на сучьяхъ
„и въ дуплахъ деревь птицы вьютъ свои гнѣзда, кладутъ яйца и
„выводятъ дѣтей; для той же цѣли поселяются въ дуплахъ куницы и
„бѣлки, враждебныя птицамъ, и шумныя рои дикихъ пчель. Травъ и
„цвѣтовъ мало въ большомъ лѣсу: густая, постоянная тѣнь не бла-
„гопріятна растительности, которой необходимы свѣтъ и теплота
„солнечныхъ лучей; чаще другихъ виднѣются зубчатый папоротникъ,
„плотные и зеленые листья ландыша, высокіе стебли оцвѣтшаго
„лѣснаго левкоя, да краснѣеть кучками зрѣлая костяника; сырой за-

„пахъ грибовъ носится въ воздухѣ, но всѣхъ слышнѣе острый и, по моему, очень пріятный запахъ груздей, потому-что они рождаются семьями, *гнѣздами* и любятъ *моститься* (какъ говорятъ въ народѣ) въ мелкомъ папоротникѣ, подъ согнивающими прошлогодними листьями“.

Вотъ степь весною и осенью:

„Сначала, опаленныя степи и поля представляютъ печальный, траурный видъ безконечнаго пожарища; но скоро иглы яркой зелени, какъ щетка, пробьются сквозь черное покрывало, еще скорѣе развернутся онѣ разнообразными листочками и лепестками, и черезъ недѣлю все покроется свѣжею зеленью; еще недѣля, и съ перваго взгляда не узнаешь горѣлыхъ мѣстъ. Степной кустарникъ, рѣже и менѣе подвергающійся огню, потому что почва около него бываетъ сырѣе, вишенникъ, бобовникъ (дикій персикъ) и чилизникъ (полевая акація) начинаютъ цвѣсти и распространять острый и пріятный запахъ, особенно роскошно и благовоно цвѣтеть бобовникъ: густо обростая иногда огромное пространство по отлогимъ горнымъ скатамъ, онъ заливаешь ихъ сплошнымъ, розовымъ цвѣтомъ, промежъ котораго виднѣются иногда желтыя полосы или круговины цвѣтущаго чилизника. По другимъ мѣстамъ, болѣе отлогимъ, обширныя пространства покрыты бѣлыми, но не яркими, а какъ будто матовыми, молочными пеленами: это дикая вишня въ цвѣту. Вся степная птица, отпуганная пожаромъ, опять занимаетъ свои мѣста и поселяется въ этомъ морѣ зелени, весеннихъ цвѣтовъ, цвѣтущихъ кустарниковъ; со всѣхъ сторонъ слышны: не передаваемое словами *чирканье* стрепетовъ, заливыя, звонкія трели кроншнеповъ, повсемѣстный горячій *бой* перепелокъ, трещанье кречетовъ. На восходѣ солнца, когда ночной туманъ садится благодатною росой на землю, когда всѣ запахи цвѣтовъ и растений дышутъ сильнѣе, благовононѣе,—невыразимо очаровательна прелесть весенняго утра въ степи.... Все полно жизни, свѣжо, ярко, молодо и весело! Таковы степныя мѣста въ Оренбургской губерніи въ продолженіи Мая...“

„Осенью ковылистыя степи совершенно измѣняются и получаютъ свой особенный, самобытный, ни съ чѣмъ не схожій, чудный видъ: выросшія во всю свою длину и вполнѣ распустившіяся, перловосизыя волокны ковыля, при легкомъ дуновеніи вѣтерка, уже колеблются и струятся мелко, слегка серебристою зыбью. Но сильный вѣтеръ, безгранично властвуя степью, склоняетъ до пожелтѣвшихъ

„корней слабые, гибкіе кусты ковыля, треплеть ихъ, хлещеть, разсыпаетъ на право и на лѣво, бьетъ объ увядшую землю, несетъ по своему направленію, и взору представляется необозримое пространство, все волнующееся и все текущее въ одну сторону. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище сначала ново и поразительно: никакое теченіе воды на него не похоже, но скоро своимъ однообразіемъ оно утомляетъ зрѣніе, производитъ даже головокруженіе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Степныя же мѣста не ковылистыя, въ позднюю осень, имѣютъ видъ еще болѣе однообразный, безжизненный и грустный, кромѣ выкошенныхъ луговинъ, на которыхъ, около круглыхъ стоговъ потемнѣвшаго отъ дождя сѣна, вырастаетъ молодая зеленая отава: станицы гудаковъ и стрепетовъ любятъ бродить по ней и щипать молодую траву; даже гуси огромными вереницами, перемѣщаясь съ одной воды на другую, опускаются на такія мѣста, чтобы полакомиться свѣжею травкою“.

Но авторъ умѣетъ говорить не объ одной природѣ: послушайте, какъ дикіе гуси летаютъ на кормежъ, какъ такують тетерева:

„Наконецъ подросли, выровнялись, поднялись гусята и стали молодыми гусятами; перелиняли, окрѣпли старые, выводки соединились съ выводками; составились станицы, и начались ночныя, или правильнѣе сказать, утреннія и вечернія экспедиціи для опустошенія хлѣбныхъ полей, на которыхъ поспѣли не только ржаные, но и яровые хлѣбы. За часъ до заката солнца, стаи молодыхъ гусей поднимаются съ воды и, подъ предводительствомъ старыхъ, летятъ въ поля. Сначала облетятъ большое пространство, высматривая, гдѣ имъ будетъ удобнѣе расположиться, подальше отъ проѣзжихъ дорогъ или работающихъ въ полѣ людей, какой хлѣбъ будетъ посылнѣе, и наконецъ опускаются на какую нибудь десятину или загонъ. Гуси предпочтительно любятъ хлѣбъ безосый, какъ-то гречу, овесъ и горохъ; но если не изъ чего выбирать, то ѣдятъ и всякій. Почти до темной ночи изволятъ они продолжать свой долгій ужинъ; но вотъ раздается громкое призывное гоготанье стариковъ: молодые, которые, жадно глотая сытный кормъ, разбрелись во всѣ стороны по хлѣбамъ, торопливо собираются въ кучу, переваливаясь передами, отъ тяжести набитыхъ не въ мѣру зобовъ, перекликаются между собой и вся стая съ зычнымъ крикомъ тяжело поднимается, летитъ тихо и низко, всегда по одному направленію, къ тому озеру или берегу рѣки, или верховью уединеннаго пруда, на которомъ

„она обыкновенно ночуетъ. Прилетѣвъ на мѣсто, гуси шумно опуска-
 „ются на воду, распахнувъ ее грудью на обѣ стороны, жадно напи-
 „ваются и сейчасъ садятся на ночлегъ, для чего выбирается берегъ
 „плоскій, ровный, не заросшій ни кустами, ни камышемъ, чтобъ ни
 „откуда не могла подкрасться къ нимъ опасность. Отъ нѣсколькихъ
 „ночевокъ большой стаи примнется, вытолочется трава на берегу,
 „а отъ горячаго ихъ помета—покраснѣетъ и высохнетъ. Гуси завер-
 „тываютъ голову подъ крыло, ложатся, или лучше сказать, опуска-
 „ются на брюхо, и засыпаютъ. Но старики составляютъ ночную
 „стражу и не спятъ по очередно, или такъ чутко дремлютъ, что ни-
 „что не ускользаетъ отъ ихъ внимательнаго слуха. При всякомъ шо-
 „рохѣ сторожевой гусь тревожно загогочетъ, и всѣ откликаются,
 „встаютъ, выправляются, вытягиваютъ шеи и готовы летѣть; но шумъ
 „замолкъ, сторожевой гусь гогочетъ совсѣмъ другимъ голосомъ,
 „тихо, успокоительно, и вся стая, отвѣчая ему такими же звуками,
 „снова усаживается и засыпаетъ. Такъ бываетъ не одинъ разъ въ
 „ночь, особенно, уже въ довольно длинныя, Сентябрскія ночи. Если
 „же тревога была не пустая, если точно человѣкъ или звѣрь при-
 „близится къ стаѣ, быстро поднимаются старики и стремглавъ бро-
 „саются за ними молодые, оглашая зыбучій берегъ и спящія въ ту-
 „манѣ воды, и всю окрестность такимъ пронзительнымъ, зычнымъ
 „крикомъ, что можно услышать его за версту и болѣе.... и вся эта
 „тревога бываетъ иногда отъ хорька и даже горностаия, которые
 „имѣютъ наглость нападать на спящихъ гусей. Когда же ночь про-
 „ходитъ благополучно, то сторожевой гусь, едва заблѣветъ заря на
 „востокѣ, разбудить звонкимъ крикомъ всю стаю и она снова, вслѣдъ
 „за стариками, полетитъ уже въ знакомое поле, и точно тѣмъ же
 „порядкомъ примется за ранній завтракъ, какой наблюдала недавно
 „за позднимъ ужиномъ. Снова набиваются едва просиженные зобы,
 „и снова по призывному крику стариковъ, при яркихъ лучахъ давно
 „взошедшаго солнца, собирается стая и летитъ уже на другое озеро,
 „плесо рѣки или заливъ пруда, на которомъ проводитъ день....“

„Въ исходѣ Марта начнетъ сильно пригрѣвать солнышко, разо-
 „грѣется остывшая кровь въ косачахъ, проснется безотчетное стре-
 „мленіе къ совокупленію съ самками, и самцы начинаютъ *таковать*,
 „то есть: сидя на деревьяхъ, испускать какіе-то глухіе звуки, из-
 „рѣдка похожіе на гусяное шипѣніе, а чаще на голубиное ворко-
 „ванье или бормотанье, слышное весьма далеко въ тишинѣ утренней

„зари, на восходѣ солнца. Вѣроятно многимъ удавалось слышать, не говоря объ охотникахъ: „вдали тетеревовъ глухое токованье“, и вѣрно всякій испытывалъ какое-то неопредѣленное, пріятное чувство. Въ самихъ звукахъ ничего нѣтъ привлекательнаго для уха, но въ нихъ безсознательно чувствуешь и понимаешь общую гармонію жизни въ цѣлой природѣ.... И такъ косачъ пускается такъ: сначала токуетъ не по долгу, тихо, вяло, какъ будто бормочетъ про себя, и то послѣ сытнаго завтрака, набивши полный зобъ надувшимися тогда древесными почками. Потомъ, съ прибавленіемъ теплоты воздуха, съ каждымъ днемъ токуетъ громче, дольше, горяче, и наконецъ доходитъ до изступленія: шея его распухаетъ: перья на ней поднимаются, какъ грива; брови, спрятанныя во впадинкахъ, прикрытыя въ обыкновенное время тонкой, сморщенной кожей, надуваются, выступаютъ наружу, изумительно расширяются, и красный цвѣтъ ихъ получаетъ блестящую яркость. Косачи рано утромъ, до солнечнаго восхода, похватавъ уже кое-какъ нѣсколько корма (видно и птицѣ не до пищи, когда любовь на умѣ), слетаются на избранное заранѣе мѣсто, всегда удобное для будущаго подвиговъ. Это бываетъ или чистая поляна въ лѣсу, или лугъ между деревъ, растущихъ на опушкѣ и иногда стоящихъ на открытомъ полѣ, преимущественно на пригоркѣ. Такое мѣсто, неизмѣнно посѣщаемое, всегда одно и то же, называется *токомъ* или *токовищемъ*. Надобно постоянное усиліе человѣка, чтобы заставить тетеревовъ бросить его и выбрать другое. Даже сряду нѣсколько лѣтъ токи бываютъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.—Косачи, сидя на верхнихъ сучьяхъ деревъ, непрерывно опуская головы внизъ, будто низко кланяясь, присѣдая и выпрямляясь, вытягивая съ напряженіемъ раздувающую шею, шипятъ со свистомъ, бормочатъ, токують, и, при сильныхъ движеніяхъ, крылья ихъ нѣсколько распускаются для сохраненія равновѣсія. Они часъ отъ часу приходятъ въ большую ярость: движенія ускоряются, звуки сливаются въ какое-то клокотанье, косачи бѣсуются и бѣлая пѣна брызжетъ изъ ихъ, постоянно разинутыхъ, ртовъ.... Вотъ откуда родилась старинная басня, которой впрочемъ уже давно никто не вѣритъ, будто тетеревиныя самки, бѣгая по землѣ, подхватываютъ и глотаютъ слюну, падающую изъ ртовъ, токующихъ на деревьяхъ самцовъ и тѣмъ оплодотворяются.—Но не напрасно оглашается окрестность горячими призывами косачей, нѣсколько времени токующихъ уеди-

„ненно: курочки уже давно прислушивались къ нимъ и наконецъ „начинають прилетать на тока; сначала садятся на деревья, въ нѣ- „которомъ отдаленіи, потомъ подвигаются поближе, но никогда не „садятся рядомъ, а противъ косачей.“

Вотъ примѣръ мастерства и отчетливости въ описаніи наружнаго вида птицы миловидной куропатки:

„Сѣрая куропатка, по моему мнѣнію, если не лучшая, то одна „изъ лучшихъ птицъ во всѣхъ породахъ степной и лѣсной дичи, „кромѣ валдшнепа. Какъ красивы ея пестрыя, темныя, красножел- „тыя, коричневыя и свѣтлосѣрыя перья! Какъ она стройно, кругло „и крѣпко сложена! Какъ она жива, проворна, ловка и миловидна „во всѣхъ своихъ движеніяхъ!

„Величиною эта бойкая птичка будетъ на взглядъ нѣсколько „больше русскаго голубя, но гораздо его мясистѣе: она будетъ съ „цыпленка въ пол-курицы. Она имѣетъ подъ горлышкомъ и около „носика перья красноватыя или свѣтло-коричневыя; такого же цвѣта „нижнія хвостовыя перья и, въ видѣ подковы, пятна на груди или „на верхней половинѣ хлупи, которыя нѣсколько больше, ярче и „темнѣе; красноватыя поперечныя полосы лежатъ по сѣрымъ перь- „ямъ боковъ. Зобъ и часть головы сѣро-дымчатые: на верхней пер- „вой половинѣ красновато-пестрыхъ крыльевъ виднѣются бѣлыя, „дольныя полосы, узенькія, какъ ниточки, которыя есть ничто иное „какъ бѣлыя стволилки перьевъ; вторая же крайняя половина перь- „евъ испещрена бѣловатыми, поперечными крапинками по темно-си- „зоватому полю; ножки розоваго цвѣта, мохнатыя только сверху, „съ перваго сустава, какъ у птицы, назначенной для многаго бѣ- „ганья по грязи и снѣгу....“

Но мы бы никогда не кончили, еслибъ захотѣли выписывать все прекрасное въ книгѣ г. А-ва. Повторяемъ, мы объ ней еще погово- римъ въ скоромъ времени,—и поговоримъ подробно. Теперь же намъ остается пожелать ей, къ чести читателей вообще и охотни- ковъ въ особенности, самый блестящій успѣхъ, самое обширное рас- пространеніе. Эту книгу нельзя читать безъ какого-то отраднаго, яснаго и полнаго ощущенія, подобнаго тѣмъ ощущеніямъ, которыя возбуждаетъ въ васъ сама природа; а выше этой похвалы мы ника- кой не знаемъ.

